

Н. А. БЕРДЯЕВ

<Рецензия>

Всякая биография эгоцентрична. Таков ее предмет. Очень эгоцентрична и автобиография Л. Троцкого. Он сам не скрывает этого. Автобиография для него есть активный момент его биографии, он ведет в ней борьбу, расправляется с врагами. Это совсем не есть тип автобиографии, которые пишутся в старости, когда борьба кончена и нет уже будущего, когда память хочет воскресить безвозвратно ушедшее прошлое, когда подводится итог жизни, и хочется определить ее устойчивый смысл. Л. Троцкий продолжает верить, что будущее его и хочет за него бороться. Книга написана для прославления Л. Троцкого как великого революционера и еще более для унижения смертельного врага его Сталина как ничтожества и жалкого эпитгона. Но написана она очень талантливо и читается с большим интересом. Бесспорно, Л. Троцкий стоит во всех отношениях многими головами выше других большевиков, если не считать Ленина. Ленин, конечно, крупнее и сильнее, он глава революции, но Троцкий более талантлив и блестящ. Местами автобиография написана очень художественно, там, где автор не занят партийными дразгами. У Л. Троцкого есть художественная восприимчивость. Описание детства и отрочества, описание охоты иногда напоминают Л. Толстого. Эти места дают передышку, читатель отдыхает от подавленности мелочами и дразгами революционной жизни. Жизнь Троцкого представляет значительный интерес, и она ставит одну очень серьезную тему — тему о драматической судьбе революционной индивидуальности в революционном коллективе, тему о чудовищной неблагодар-

ности всякой революции, извергающей и истребляющей своих прославленных создателей. Л. Троцкий не без гордости говорит, что у него нет личной судьбы, что его судьба слита с судьбой революции, которой он служит. Самообман и самоутешение. Личная судьба есть и у Л. Троцкого, и он напрасно хочет скрыть ее горечь. Активнейший из революционеров оказался лишним и ненужным человеком в революционную эпоху. Это есть печальная судьба личности. Талантливый и блестящий Троцкий, создавший вместе с Лениным большевицкую революцию, извергнут революционным потоком и находит себе пристанище лишь в Турции. Бездарный по сравнению с ним, незначительный, не игравший большой роли Сталин — диктатор, глава революции, вершитель судеб России и, может быть, всего мира. Этого никогда не удастся переварить Троцкому и никогда не удастся понять изнутри революционной эпохи. Автобиография Троцкого есть, конечно, очень интересный и талантливый документ нашей революционной борьбы. Но она поражает незначительностью внутренней жизни души, раскрывшей свою жизнь. Душа эта выброшена на поверхность, целиком обращена во вне, вся исходит во внешних делах. Жизнь этой души рассказана так, как будто самой души нет, и во всяком случае нет в ней духовного начала. Нужно перейти в более глубокий план жизни, чтобы понять эти вещи. Люди мировоззрения Троцкого никогда ведь не углублялись в проблему личной судьбы, они всегда заглушали в себе внутреннюю жизнь внешней борьбой. Почему Троцкий стал революционером, почему социализм стал его верой, почему всю жизнь свою он отдал социальной революции? Внутренний генезис веры Троцкого, внутреннее формулирование мировоззрения почти совсем не раскрыты. Указанные им внутреннее мотивы образования революционного чувства жизни незначительны и не могут объяснить такой революционной энергии. Поразительно, до чего Троцкий чужд всем умственным и духовным течениям своей эпохи. Его ничто не затронуло. Для него ничего не существует кроме марксизма и самого наивного материализма. Он даже отрицательно не определяется к другим течениям. Он очень умный человек, но умственный его кругозор необычайно узок, интересы его очень однообразны. Он читает романы в часы досуга, но это лишь отдых от революционной борьбы, внутренне его это чтение нисколько не затрагивает. Как писатель, он лишь талантливый журналист. В своих эмигрантских

странствований он встретился с Рагацем, швейцарским левым социалистом и вместе с тем верующим христианином, протестантом. Социалист-мистик вызывает в нем лишь «неприятный озноб». Он ограничивается плоским замечанием, что не может найти психологического соприкосновения с людьми, которые «умудряются одновременно признавать Дарвина и Троицу». Это, кажется, единственное место, где Троцкий говорит о религиозном вопросе. Он остается старого типа просветителем рационалистом, таким же, как и Ленин, но менее злобно полемическим.

Чему нас учит автобиография Троцкого? Вот что представляется мне несомненным: Л. Троцкий не настоящий коммунист, не до конца коммунист, и не случайно он оказался выпавшим на известной стадии коммунистической революции. Он и в прошлом не был большевиком, и напрасно он старается затушевать свой меньшевизм, хотя и левый. Троцкий очень типичный революционер, революционер большого стиля, но не типичный коммунист. Он не понимает самого главного, того, что я назвал бы мистикой коллектива. Именно покорность мистике коллектива заставляет Рыкова и многих других держать себя так, что это со стороны производит впечатление трусости и предательства относительно людей, с которыми они работают. Коллектив, генеральная линия коммунистической партии — это ведь аналогично церковным соборам, и всякий, желающий остаться ортодоксальным, должен подчиниться совести и сознанию коллектива. Л. Троцкий еще революционер в старом смысле слова, в смысле XIX века. Он не подходит к конструктивному периоду коммунистической революции. Его идея перманентной революции есть романтическая идея. Троцкий придает еще значение индивидуальности, он думает, что возможно индивидуальное мнение, индивидуальная критика, индивидуальная инициатива, он верит в роль героических революционных личностей, он презирает посредственность и бездарность. Не случайно его обвиняли в индивидуализме и аристократизме, и именно он, организатор Красной армии, сторонник мировой революции, совсем не вызывает того жуткого чувства, которое вызывает настоящий коммунист, у которого окончательно погасло личное сознание, личная мысль, личная совесть, и произошло окончательное вращение в коллектив. Есть еще одна особенность, отличающая Л. Троцкого. Русскому народу не свойственна театральность и риторика. В русской рево-

люции совсем нет красивых театральных жестов и риторических украшений революции французской. Может быть, и хорошо, что в ней нет театральной красоты. Но плохо то, что в ней есть настоящая уродливость. Большевики вошли в русскую жизнь в первый же момент уродливо, с уродливым выражением лиц, с уродливыми жестами, они принесли с собой уродливый быт. Уродство это свидетельствует об онтологическом повреждении. Большевики сами чувствуют свое уродство, и это вызывает у них чувство *ressentiment*. Этим отчасти объясняются их безобразные действия. Сам Ленин как будто нарочно стремился к уродливому, говорил и писал грубо и некрасиво. Л. Троцкий один из немногих, желающих сохранить красоту образа революционера. Он любит театральные жесты, имеет склонность к революционной риторике, он по стилю своему отличается от большей части своих товарищей, которых он в сущности презирает. Л. Троцкий все еще не понял, что мы вступаем в эпоху пореволюционную и что старый революционный душевный уклад и революционный пафос для нее не подходят.

